

«Только та музыка жизнеспособна, которой в самом широком смысле присущи черты народной музыки. Всякая другая — умирает». Слова эти принадлежат одному из самобытных музыкантов нашего века, американскому композитору Д. Гершвину. Можно с уверенностью утверждать, что Гершвин не только ярчайший талант среди американских композиторов, но и первый подлинно национальный композитор Америки. Жизненный путь его чрезвычайно интересен и необычен.

Свердловск

„НА СМЕНУ“

ЗВУЧИТ «ГОЛУБАЯ РАПСОДИЯ»...

Гершвин родился в 1898 году в Нью-Йорке, в бедной семье эмигрантов — выходцев из России. Он не получил специального музыкального образования, но именно музыка, звучащая в садах и парках, танцевальных залах и кабаках Гарлема, — стала для него настоящей «консерваторией». Юный Гершвин навсегда впитал в себя интонации негритянского джаза с его прихотливыми ритмами, красочными гармониями и импровизационностью. Глубокие связи с бытовыми, демократическими формами музыки определили дальнейшую судьбу начинающего музыканта. В возрасте 18 лет Гершвин дебютирует как композитор в качестве автора вставной песни к спектаклю одного из театров Бродвея. К 25 годам, написав музыку более чем к 40 (!) мюзиклам, он становится самым популярным композитором Америки — кумиром Бродвея. Столь стремительный, можно сказать, сенсационный (в истинно американском духе) успех невозможно объяснить случайностью или хорошо поставленной рекламой. Лучшей «рекламой» Гершвину стала его удивительно талантливая музыка, сразу снискавшая полный и безоговорочный успех у публики. Как всякий истинный художник, Гершвин не удовлетворяется достигнутым — он упорно ищет свой, неповторимый путь в искусстве. После долгих поисков и размышлений возникает счастливая идея: попробовать найти сплав джазовых приемов с манерой симфонического письма. В результате этого смелого творческого эксперимента в 1924 году создается знаменитая «Рапсодия в блюзовых тонах» (более известная у нас под названием «Голубая рапсодия»), открывающая новый этап в творчестве Гершвина. Вершиной этого периода явилось создание в 1935 году первой национальной оперы США — «Порги и Бесс».

Кстати, идею создания симфонического джаза горячо поддержали и даже частично финансировали такие выдающиеся музыканты, как С. Рахманинов, Я. Хейфец, Ф. Крейслер.

Музыка Гершвина звучит в наших концертных залах не так уж часто, о чем можно лишь сожалеть. Это тем более досадно, потому что интерес к музыке Гершвина очень велик. Сегодняшний слушатель ждет от этой музыки не «экзотического блюда с острой джазовой приправой», а встречи с настоящим, большим искусством. Поэтому монографический концерт из произведений Гершвина, состоявшийся недавно в зале Свердловской филармонии, вызвал огромный интерес у любителей музыки. Сама идея такого концерта оказалась интересной и, безусловно, плодотворной — надежды и ожидания публики полностью оправдались.

Это был один из тех концертов, когда увлеченность артистов симфонического

оркестра и дирижера, заслуженного деятеля искусств РСФСР А. Каца вызвали в зале горячий эмоциональный отклик. В этот вечер звучали: симфоническая поэма «Американец в Париже», фортепианный концерт (солистка — лауреат международного конкурса Л. Сосина) и сюита из оперы «Порги и Бесс». Музыка этих сочинений пронизана упругими джазовыми ритмами и интонациями негритянских блюзов. Дирижеру и оркестру в полной мере удалось раскрыть саму суть этой музыки, найти ее эмоциональный нерв и при этом, что особенно важно, нигде не переступить границ хорошего вкуса. Само название симфонической поэмы — «Американец в Париже» достаточно конкретно очерчивает круг музыкальных образов, полных юмора, в кое-где и гротеска, переданных Гершвиным с почти зримым эффектом. Удивительно одухотворенно прозвучала в финале «тема родины», полная тепла, щемящей тоски и еще чего-то такого, что невозможно выразить словами...

В исполнении фортепианного концерта Л. Сосиной больше удались лирические эпизоды, в финале же порой не хватало масштаба, стихийности, очень ощутимых в оркестре.

Достоинным завершением концерта стала сюита из оперы «Порги и Бесс», сыгранная с подлинным вдохновением и блеском.

Как-то, в кругу своих друзей, Гершвин сказал, что у него в голове столько мелодий, что целой жизни не хватит, чтобы их записать. К сожалению, композитор прожил всего лишь 38 лет, не успев написать многих, может быть, лучших своих сочинений. Отодвигая отметку, что юбилей Д. Гершвина (ему исполнилось бы 75 лет) был отмечен в нашем городе и консерваторией и филармонией, и эти концерты прошли с большим успехом. Хочется верить, что встречи с музыкой Гершвина, отмеченной подлинным талантом и национальной самобытностью, будут более частыми и столь же радостными.

И. ГАНЕЛИН,
старший преподаватель
Уральской консерватории.

Редактор Г. ЧУКРЕЕВ

192 фев 1974